

Олег КАРАВАЙЧУК:

В древности таких, как я, было много!

Кто погружен в культурную среду города, знает: 87-летний композитор-легенда юродив, неуправляем и неуловим, как подлинно петербургский персонаж. «Гений», «фрик», «авангардист», «городской сумасшедший», «величайший эксцентрик»: как только не называли Каравайчука — настолько нестандартны поведение, манера говорить, облик Олега Николаевича. Невозможно вообразить, как воспринимали его в советское время. Это как если бы в советской действительности ожила картина Энди Уорхола или Сальвадора Дали. Каравайчук писал музыку к спектаклям Акимова, к фильмам «Поднятая целина» или «Два капитана», отвечавшим советской эстетике; но также без его музыки не представить фильмы Киры Муратовой или Ильи Авербаха. Он писал музыку к спектаклю «Бесы» Льва Додина, но и — к «Изотову» Андрея Могучего. Композитора высоко ценили столь разные Святослав Рихтер и Сергей Курёхин, Андрей Тарковский и Василий Шукшин.

Фото: Юрий Белинский/ТАСС

ЛЕГЕНДАРНЫЙ КОМПОЗИТОР ПОВОРОНИЛ С КОРРЕСПОНДЕНТОМ «ВП» О ГЕНИАЛЬНОСТИ И НИЧТОЖНОСТИ, О ТОМ, ЧЕМ ОН ОБЯЗАН ТИЦИАНУ И ПУСТОТЕ, А ТАКЖЕ О ТОМ, КАКОЙ КОМПЛИМЕНТ СВЯТОСЛАВА РИХТЕРА ОСТАЛСЯ В ЕГО СЕРДЦЕ НАВСЕГДА

ДЛЯ МУЗЫКИ ВАЖЕН ЧЕЛОВЕК БЕЗУМНЫЙ

— Олег Николаевич, в каких условиях вам лучше сочинять? Что вас отвлекает, раздражает, а что, наоборот, вдохновляет?

— Знаете, я принадлежу к тому типу ненормальных людей, которым ничего не мешает. Чтобы творить, мне не нужно куда-то ехать, за какой-то благодатью. Я сочиняю и на природе, и в городе, и в метро, где угодно. Мне нужно только, чтобы вовремя была какая-то бумажка, чтобы я потом по писульке этой все вспомнил. Вот Рихтер очень точно сказал про меня, когда я ему играл. Он обо мне, что я невероятно интуитивный ребенок, узнал от Нейгауза. Уже в пять лет я импровизировал в абсолютной гармонии с музыкой. И когда я Рихтеру играл на заданные темы, он не понимал, как это у меня сразу — и форма. И сказал: «Я могу так играть, может быть, в ударе. А вас хоть с постели, хоть из гроба — хуже не сыграете». (От смеха чуть поднимается со стула.) Здорово сказал! Грандиозно! Это со мной навсегда!

— Когда вы импровизируете, чувствуете ли, что вами управляет какая-то сила?

— Я просто играю себе и играю. Во-первых, я не импровизирую. У меня уже готова форма, а это совершенно другое. Импровизация — это некий эскиз перед тем, как делать. Вот правильно Рихтер мне сказал, что великие делают эскиз, а потом пять лет работают над формой — с эскиза. У меня получается сразу сочинение, как у Шуберта. Шуберт не импровизировал. Лермонтов! Вот Лермонтов — это я. Он сразу делал стихи, с одного раза. А Пушкин импровизировал. Не думайте, я не единичка. Природа таких дает совершенно естественно. В древности (X, XI века) таких, как я, было много. Гийом Машо (средневековый поэт и композитор. — Прим. авт.), например, менестрели, наверное. Просто наш век такой был, что таких, как я, скопили.

...Для музыки что важно? Человек безумный, который поддается вымыслу. Вдохновение влетает в такого человека, как воздушный шар. Но не думайте, что я сверхчеловек какой-то, ей-богу. Я более прозаичен, и Шуберт был более прозаичен, чем самые прозаические люди. С нами бывает на много проще и обычнее, и мы сравнимы с самыми примитивными зверушками и даже глистами. Червяками, грибами. Это, собственно говоря, нам и дает возможность не мешать музыке самой себя создавать или стиху себя создавать. Ведь не человек сочиняет, а стих сам себя сочиняет. Я чувствую себя совершенно ничтожным.

ПЕТЕРБУРГУ МОЖНО МОЛИТЬСЯ, КАК ИКОНЕ

— Вас называют гением...

— Я не чувствую себя гением ни капли. Рихтер говорил про меня: «Так играть невозможно!» А я не чувствую этой гениальности. Обыкновенно играю. Но я чувствую, как НЕЛЬЗЯ. Если я буду ощущать себя гением, я так не сыграю. Большинство очень великих людей помогают чувствовать себя гениями. Вахтанг Чабукиани — сердце гор! — себя не чувствовал гением, а у него был высочайший прыжок, который до сих пор недоступен.

Мравинский чувствовал себя гением — и каким! И так было нужно. Вот рука Мравинского (делает неповторимый жест)... Величавость великая! Без нее Вагнера не продирижируешь. Нужно или БЫТЬ абсолютным гением, как сам Вагнер, или чувствовать себя гением. Про меня говорят, что я гений. Я вообще ничего не слушаю. У меня ни телевизора, ни радио нет, газет не читаю.

...В Испании меня привели в ресторанчик, где великолепно исполняли фламенко. Сначала танцевал мужчина — грандиозно, темп бешеный! Но я понял: нет, это не мое, я лучше танцую фламенко. Потому что он делает волей. А я ничего волей не делаю. (Взмах кистью.) Вот жест без моей воли. И вдруг выходит девушка лет 26 с кастаньетками. Как она танцует — это сама кровь бежит, кровь бежит от небес! А девушка — сама пустота. Пустота! Знаете, наверное, самое любимое для меня — это пустота, пауза. Это высший дар, это не подлежит обсуждению. Когда попадаешь в какой-то чистый обморок. Когда в тебе ни гениев никаких, ни мыслей. Это больше, чем сон. Потому что во сне пустоты нет.

— А что, например, вы видите во сне?

— Например, я Екатерину Великую вижу. Я, собственно, ею и живу. У нее был высочайший вкус к искусству. Петербург был задуман Петром Великим, величайшим поэтом пространственности. Петр был не царь, он был почти бог. Бог — это поэт пространственности. Если лететь по воздуху и с высоты смотреть на Петербург, как его задумал Петр, можно городу молиться, как иконе. Великая Екатерина почувствовала эту гармонию и пригласила таких архитекторов по ансамблю, которым чувство Петра тоже стало абсолютно созвучно. Я посвятил Екатерине вальсы. Она реальная богиня. Она для меня даже больше, чем Аве Мария.

— А что, например, вы видите во сне?

— Например, я Екатерину Великую вижу. Я, собственно, ею и живу. У нее был высочайший вкус к искусству. Петербург был задуман Петром Великим, величайшим поэтом пространственности. Петр был не царь, он был почти бог. Бог — это поэт пространственности. Если лететь по воздуху и с высоты смотреть на Петербург, как его задумал Петр, можно городу молиться, как иконе. Великая Екатерина почувствовала эту гармонию и пригласила таких архитекторов по ансамблю, которым чувство Петра тоже стало абсолютно созвучно. Я посвятил Екатерине вальсы. Она реальная богиня. Она для меня даже больше, чем Аве Мария.

НАРЦИССИЗМА ВО МНЕ НИ КАПЛИ

— Олег Николаевич, вот у меня ваше фото, сделанное Николаем Акимовым, — из архива Театра Комедия.

— Это меня снял Акимов? (Долго всматривается в портрет.) Он был великий режиссер. Я ему импровизировал — прямо на репетициях. Он ставил под мою импровизацию. А по ночам мы созванивались, часа в три, потому что я сочиняю очень поздно, по ночам. Мы работали с Акимовым с 1958 года (тогда снимался фильм «Под стук колес», а меня его ассистент увидел на съемках фильма) до самой его смерти (1968 г. — Прим. авт.). Он умер на гастролях в Москве, когда я писал ему музыку для шекспировского спектакля («Ко-

нец — делу венец». — Прим. авт.). После мамы и папы это, пожалуй, самая страшная моя потеря. Это был великий человек по всему: по таланту, по мудрости, по характеру, по духу. Тем, кто сейчас рассказывает, что Акимов был как режиссер ни то ни се, не верьте! Ради бога, как-нибудь это скажите!

— Фото Акимова очень отличается от ваших поздних портретов. Вообще как вы относитесь к своим портретам?

— Вы знаете, это самый краеугольный вопрос, который вы мне задали. Этому, собственно, и нужно посвятить мое интервью. Фотографы используют структуру моего лица — а такая же была у Шопена (на которого я похож немножко), такая же была у Сервантеса, такая же была у Вагнера, — чтобы играть на моем образе. Снимают миллион фотографий в момент моей игры, моего рассказа и прочего; у меня лицо меняется, а камера выхватывает только какую-то одну «картинку».

На меня надо смотреть в процессе, во времени. Когда, например, я встаю и показываю, как двигаться. А я очень много теперь показываю: я стремлюсь балет освободить от физиологизма, потому что в балете все работают в основном на сексуальных ощущениях. Избавь балетных от сексуальной энергии — у них форма вся и развалится. Балет — страшная афера, получившая развитие при европейском дворе, при королях и фрейлинах, при всех этих делах. Да, балет не эфемерное явление, он держится на этой штуке — на самом присущем для человека. А моя музыка абсолютно не держится на моей физиологии. Это и есть мое грандиозное отличие, как и Вагнера, как и Шуберта. А Шопен уже держится на физиологии.

— А вы храните какие-то фотографии?

— Фотографий у меня точно нет. Себя я не смотрю. Нарциссизма во мне ни капли. Я собой точно не увлекаюсь.

Беседовал Евгений АВРАМЕНКО

Полностью интервью читайте на нашем сайте www.vppress.ru